

Отец мой после войны служил в Западной Украине, где с бандеровцами тогда воевали. Он был водителем, возил штабных работников. Обстановка была тревожной, на дорогах частенько постреливали.

Однажды получает приказ: «Повезёшь нас на совещание во Львов».

А уже зима наступила. Только в отличие от нашей сибирской зимы, в тех краях она гораздо мягче, а главное, не такая морозная.

Одному штабному работнику местная агентура сообщила, что на лесной дороге, по которой они поедут, их ждёт засада.

Решено было обмануть бандеровцев и ехать по другому маршруту. Только одно отца смущало: на этой дороге не было моста, который немцы при отступлении взорвали. Новый мост не построили, поэтому в середине лета, когда уровень воды падал, как правило, реку переезжали вброд.

Отец засомневался в правильности принятого решения и сказал об этом своему командиру майору Акимову, бывшему фронтовику.

— Знаешь, Рачев, в чём отличие воевавшего солдата от невоевавшего? — спросил Акимов отца.

И, сделав паузу, сам же ответил на свой вопрос: — На войне у солдата одно направление: только вперёд. И никакие препятствия ему не страшны. А ты, рядовой Рачев, какой-то реки испугался. Готовься в дорогу, через пять минут выезжаем.

И пошёл в штаб за своими бумагами.

Через полчаса быстрой езды на машине военные оказались на берегу реки, про которую говорил отец. Уровень воды за осень в ней значительно поднялся, и она была покрыта коркой льда. Пассажиры, а их было трое вместе с майором Акимовым, нехотя вылезли из легкового автомобиля и стали разминать затёкшие ноги.

— По-моему, мы тут не переправимся, — первым подал голос капитан Смольников, тоже бывший фронтовик. — Что-то мне этот лёд не внушает доверия. Машину утопим и на совещание опоздаем. Взяли бы с собой охрану, отделение автоматчиков, и бандеровцы отказались бы от своей затеи. Всё тебе, старший лейтенант Веретенников, на каждом шагу мерещатся западни и засады.

В отличие от Акимова и Смольникова, как и отец, старший

лейтенант Веретенников не воевал, так как был каким-то мелким чиновником в фильтрационном лагере, в котором проверяли благонадёжность людей, как правило, бывших пленных.

Веретенникова все побаивались, так как он был прикомандирован в штаб из грозного СМЕРШа, организации, которая занималась уничтожением банд-подполья.

Отец не однажды слышал от Акимова и Смольникова в частных разговорах, что им надоело ходить в карателях.

— То ли дело на фронте, — вспоминали они. — Оборона, передний край, там немцы, тут мы. А здесь гоняйся за призраками, которые каждую минуту ждут момента пальнуть тебе в спину.

Посоветовавшись между собой, офицеры приказали отцу всё-таки попробовать по льду переправиться на другой берег.

— Только ты дверцу оставь открытой, — говорили они, — чуть лёд затрещит, сразу выпрыгивай из машины.

Отец нехотя сел за руль, завёл двигатель и тронулся с места.

— Еду и чувствую, что у меня мурашки по коже поползли, — рассказывал он много лет спустя. — Даже когда прыгал с парашютной вышки первый раз, мне не было так страшно. А тут первый раз в жизни по-настоящему испугался.

Опасения отца оказались не напрасными. Через два десятка метров лёд тревожно затрещал, и машина стала проваливаться

в чёрную бездну. Не заглушив двигатель, отец стремительно выпрыгнул из машины.

— Поднимаюсь со льда, а на месте, где был автомобиль, огромная полынья образовалась, — вспоминал отец то далёкое событие. — Выбираюсь на берег, а мои спутники говорят, что они постараются побыстрее добраться до части и пришлют мне на помощь «студебеккер».

И вот отец на берегу реки остался охранять утонувшую машину. Хорошо, что перед заездом на лёд он вытащил из кабины свой автомат ППШ, а то сиди без оружия на берегу и жди, когда тебя любой бандеровец в качестве трофея утащит в лес.

— «Студебеккер» с тремя солдатами подъехал под вечер, — рассказывал отец. — Старший сержант, который был главным, вылез из кабины, подходит ко мне и говорит: «Твоя машина, ты её и вытаскивай. За жизнь своих солдат я несу личную ответственность, так что их здоровьем я рисковать не собираюсь».

Выбор у отца был непростой: или предстать перед судом военного трибунала за потерю военного имущества, или купаться в ледяной воде. Он принял решение нырять в реку, чтобы зацепить трос за форкоп.

Какой бы европейская зима ни была мягкой, но зима есть зима.

— Разделся я до трусов, взял трос, который мне солдаты притащили из кузова, и нырнул в воду, — вспоминал отец. — Когда

погрузился по грудь, то первое чувство было, что меня обхватил железный обруч. Потом дыхание стало ровнее, и я нырнул.

Больше часа отец купался в ледяной воде, так как трос то и дело срывался, когда его тянул мощный «студебеккер».

— Приходилось то и дело мне нырять в воду, чтобы закрепить злополучный трос, — вспоминал отец. — От частого ныряния под воду я уже и холода не чувствовал. А когда легковушку благополучно вытащили на берег, то старший сержант в знак благодарности дал мне приложиться к своей фляжке, в которой у него была самогонка.

Через сутки отец оказался в военном госпитале. Купание в ледяной воде для него не прошло бесследно. У него нашли пневмонию.

Потом характер заболевания принял серьёзную форму, начал развиваться туберкулёз лёгких.

Через полгода отца из армии комиссовали по состоянию здоровья.

Как всякий русский человек, мой отец не отказывался от радостей жизни: и выпивал, и курил. Общительный по натуре, он был любимцем прокуткинских мужиков, которые, все без исключения, были его лучшими друзьями.

Про таких, как мой отец, всегда говорят: «Душа-человек».

Прожил отец недолго, всего сорок лет. Провожая его в последний путь на кладбище, я горько плакала. Мне было только семнадцать лет, и начинать свой жизненный путь я должна была без тёплого отцовского слова, которое, как солнце, всё детство грело мою душу.